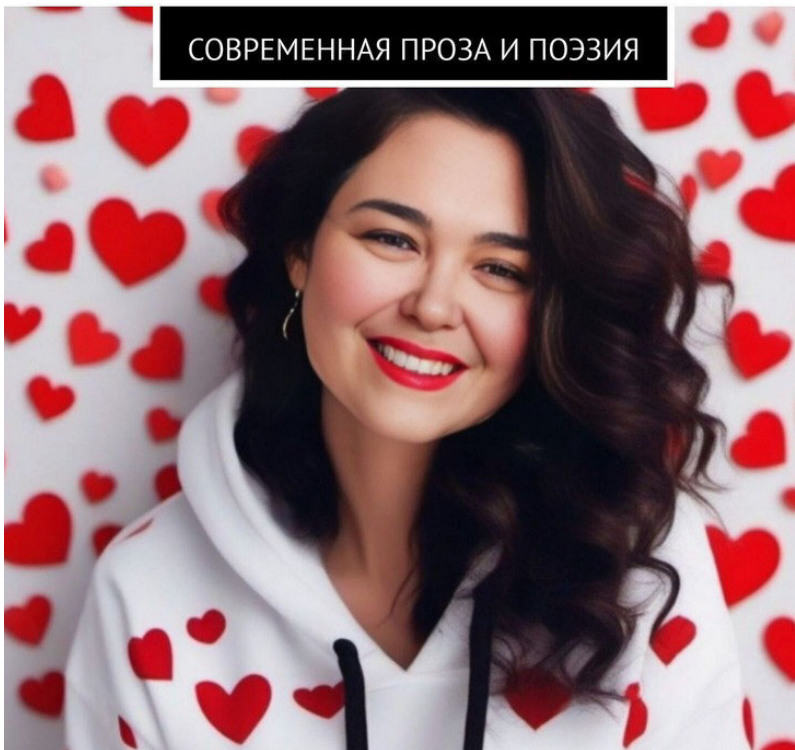

18+

НАТАЛЬЯ ЧЕРВЯКОВСКАЯ

**Кокетливые речи: тонкая
игра чувств или искусно
разыгранный блеф?**

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Наталья Червяковская
Кокетливые речи: тонкая
игра чувств или искусно
разыгранный блеф?
Современная проза и поэзия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73211108
ISBN 9785006914483

Аннотация

«Кокетливые речи: тонкая игра чувств или искусно разыгранный блеф?» – не просто повесть, а исповедь сердца, ищущего истину в лабиринтах жизни. История Поликсены и Ильи – это ода любви, восторжествовавшей над пеплом скорби, гимн искренности, развеявшей мрак лицемерия, и луч надежды, пронзивший гушу отчаяния. Это волнующая сага о том, как, вопреки ударам судьбы, рождается подлинное счастье – в объятиях любящих сердец, готовых согреть душу и подставить плечо в час тяжких испытаний.

Содержание

Кокетливые речи: тонкая игра чувств или искусно разыгранный блеф?	5
Конец ознакомительного фрагмента.	28

**Кокетливые речи: тонкая
игра чувств или искусно
разыгранный блеф?
Современная
проза и поэзия**

Наталья Червяковская

© Наталья Червяковская, 2026

ISBN 978-5-0069-1448-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кокетливые речи: тонкая игра чувств или искусно разыгранный блеф?

*Это произведение – выражение
признательности военному медику, чьё
хирургическое мастерство оказалось ценным
не только в операционных, но и в непредсказуемых
перипетиях моей судьбы.*

Кокетства речи – кружево плетений,
Где тонкий смысл, как в зеркале, двоятся.
То флирта свет, то тайных откровений,
Игра теней, что в сердце отразится.

Блеф или правда? Кто же угадает,
Под маской слов скрывается что в ней?
Желанье в плен, иль только тешит, мает,
Меж двух огней – лукавый чародей.

Игривый взгляд, полунамёков россыпь,
Как лёгкий бриз, что душу обдаёт.
То истина, то призрачная осыпь,
И каждый жест – таинственный исход.

Кокетство – танец, где искусно прячет
И страсть, и ложь, и правды слабый луч.
И в этом танце сердце часто плачет,
Понять пытаюсь, где союз, где ложь.

А что за ним, за этим лёгким флёром,
За сладостью обманчивых речей?
Быть может, страх, окутанный презрением,
Иль отголоски позабытых дней?

Она умела, как никто на свете,
Скрывать в улыбке горькую тоску,
И в каждом взгляде, как в лукавой сети,
Плела надежду, веру и мечту.

Но в зеркале, что отражает душу,
Всегда видна и подлинность души.
И тот, кто зрит, сквозь кокетливую душу,
Увидит суть, без масок и без лжи.

Ведь в каждой шутке есть лишь доля шутки,
И в каждом взгляде – истины зерно.
Кокетство – лишь игра, она минутка,
А глубина – она всегда дана.

И если сердце сможет угадать,
За играми кокетства – искренность души,
То сможет он и тайну разгадать,
Любви, что в этой маске затаилась.

Тогда растает лёд, падут оковы,
И кружева сплетений расплетутся,
И прозвучат признания, как слово
Любви, что так боялась обернуться.

После трагедии, словно кара небесная, судьба обрушила новый удар. Разум, поражённый чужеродным вирусом, застыл в ледяном шёпоте. Она, пленница собственного сознания, с ужасом наблюдала, как нечто таинственное и необъяснимое пускает корни в её естестве. Мысли, словно отравленные стрелы, меняли траекторию, настроение превратилось в зыбкое болото, а привычки, преданные слуги, взбунтовались против хозяйки. Осознание чудовищной метаморфозы обжигало сознание, она чувствовала, как её «Азь» рассыпается на осколки, но страх парализовал волю. Уже второй год это гнетущее наваждение влачится за ней, словно тень, неотступно цепляющаяся за подол платья. Пока она не смела поднять руку на захватчика: здоровый смысл – хрупкий щит, воля – тлеющий уголёк надежды, а за ней – неприкосновенная грань, которую никто не смеет переступить без её соизволения.

Живая, любознательная, с искрой в глазах, она обожала долгие прогулки по парку, жадно вдыхала жизнь. До того самого дня, когда случилось необратимое, то, что никогда больше не вернуть. Осознание этого сжигало её изнутри,

но примириться с утратой не было сил. И вскоре с ней начало происходить нечто необъяснимое: спонтанные поездки за город, всё свободное время – за рулём. Почему-то именно там, в моменте скорости и опасности, она освобождалась от сковывающих пут. Но стоило ей переступить порог собственной квартиры, как что-то подчиняло её своей воле. Её любимая квартира превратилась в тюрьму. Задёрнутые шторы, полумрак, тишина, нарушаемая лишь её сбивчивым дыханием.

Она чувствовала, как чужое сознание плетёт свои сети вокруг её разума, словно паук, терпеливо выжидающий добычу. Вначале это были лишь лёгкие покалывания, едва уловимые шёпоты, но со временем они превратились в навязчивые голоса, диктующие ей свои правила. Они внушали ей страх, злобу, отчаяние, подталкивая к необдуманным поступкам, которых она избегала прежде. Девушка сопротивлялась из последних сил, цепляясь за воспоминания о прошлом, за лица родных, за свои мечты.

Часами она сидела перед зеркалом, вглядываясь в своё отражение, пытаясь разглядеть в бледном лице, усталых глазах ту прежнюю себя, которую она знала и любила. Но вместо этого она видела лишь чужую маску – не тронутую болью, а неестественно улыбающуюся. Раньше такого не было: да, она улыбалась, но не всегда. И этот страх... это не пани-

ческая атака, это нечто иное. Он тянет за ноги, вытягивая не просто энергию, но саму душу. Она пыталась говорить с собой, убеждать себя, что это всего лишь кошмар, что она сможет проснуться и всё будет как прежде. Но голоса становились всё громче, заглушая её собственный внутренний голос, словно погребая под лавиной чужой воли.

Она боялась засыпать, ведь во сне захватчик обретал особую силу. Ей снились кошмары, сотканные из искажённых образов, пугающих теней и безмолвных криков. Просыпаясь, она ощущала себя ещё более обессиленной, словно её жизненные силы утекали сквозь пальцы, оставляя лишь пустую оболочку. Но даже в самые тёмные моменты, в глубине её души, теплилась маленькая искорка надежды – вера в то, что она сможет победить, вернуть себе свою жизнь, своё «Аз».

И пусть сейчас её разум – поле битвы, где сражаются две противоположные силы, она не собиралась сдаваться. Молодая женщина знала, что борьба будет трудной и долгой, но она была готова к ней. Ведь на кону стояло самое дорогое – её свобода воли, её личность, её душа.

Не только мысли – краденые, словно сорванные с чужих уст, но и поведение – чуждо моей подлинной сути. Алая помада кривит губы в натянутой улыбке, а нарочитое кокет-

ство – лишь жалкая маска, прикрывающая тоску. Эта милая игра – удел наивных юниц, но не моя судьба. Мне претят мимолётные связи, мне, кажется, и вовсе чужды страсти этого суетного мира.

Блуждая по городским улицам год назад, словно неприкаянная душа, она неожиданно заметила его. Ей чужда была любая игра в кокетство в повседневной жизни, однако произвольный, почти неуловимый порыв побудил её привлечь внимание этого человека. Возможно, её улыбка выглядела навязчиво, словно она настойчиво притягивала его к себе. Нестерпимо хотелось бежать, исчезнуть, спрятаться, но возможно ли убежать от себя? И улыбку-то в повседневности, до рокового дня, она не жаловала. Не сказать, чтобы была угрюмой, но и улыбчивой – тоже нет. Улыбка появлялась, лишь когда... но об этом я поведаю чуть позже. И врачи, твердящие как один: «Полностью здорова». Возможно, просто профессиональное выгорание или отпечаток прошлого? Все твердили об отпуске и отдыхе. Но в момент их встречи во ней разгоралась внутренняя борьба: с одной стороны, непреодолимое желание очаровать и пленить, а с другой – тихий, но упорный голос шептал: «Он – твой шанс на спасение».

После двух лет одиночества – вот и он появился. Построенная мной крепость изоляции начала рушиться, давая тре-

щину. Он привлекал меня абсолютно всем: и своей внешностью, и деликатным обращением. Складывалось впечатление, что я ему очень дорога, и наши отношения развиваются безукоризненно, гармонично, как это и должно быть между двумя здравомыслящими людьми. Но так ли безупречна эта картина, как представляется с первого взгляда? Не скрывается ли за этим идеальным фасадом опасный изъян?

Какая-то тень, словно непрощенная гостья, мешает ей расцвести в его объятиях, утонуть в океане его чувств. В миг близости эта невидимая сила сдавливает горло, лишает воздуха. И он... он тоже становится чужим, эмоционально шумным. Что за колдовство? Говорят, с ума сходят поодиночке, но здесь, кажется, безумие подкрадывается к нам обоим.

Вдруг его осенило, кто способен помочь им выбраться из сложной ситуации. Молодой человек, будучи в курсе её отпуска, неожиданно-негаданно объявился у меня на пороге и, не вдаваясь в детали, отдал приказ собираться в дорогу. У неё возникло желание протестовать, но словно некая невидимая власть приковала её к месту. Но разум всё же возобладал – и она, хотя сама не уступала в мастерстве вождения, питая слабость к головокружительной скорости и чувству дорогу кожей, уступила его настойчивости.

Да, я по-прежнему за рулём, что до сих пор удивляет мно-

гих. «Но я вожу, несмотря ни на что,» – твердила себе молодая женщина.

Апрель застыл на пороге, будто не река времени, а тихий пруд. Почему он вечно «стоит на дворе», а не бредёт себе куда-нибудь, например, или сидит на завалинке, словно старый сказитель? И ещё этот вопрос, как заноза: почему все месяцы – бравые молодцы, а природа – она, женственная и трепетная девица?

Её словно клещами вырвали из не уютного кокона городской квартиры, где она только второй день скрывалась в объятиях долгожданного отпуска. Сотни раз проносилась по трассе на своей машине мимо этого места, не подозревая, что за пригорком таится тихая деревушка, словно утопающая в воздушном, белоснежном кружеве сирени. Казалось, жители вступили в тайный сговор: на их единственной улочке безраздельно росла белая сирень, снежный бульдеж и черёмуха в подвенечном убранстве, источая пьянящий аромат невинности.

– И чего ради ты меня сюда притащил? – спросила она.

Ему она казалась самой прекрасной женщиной на свете, его троянской царицей, эхом древних мифов отозвавшейся в имени, что отец, очарованный сказаниями старины, ей да-

ровал. Поликсена... Ахилл, сражённый её красотой, по легенде, нашёл бесславную смерть, явившись безоружным ради клятвы любви, и даже в царстве теней шептал её имя. Имя, сотканное из шёлка легенд и мудрости веков, звенело аристократизмом и благоговением перед миром. Молодая женщина несла его гордо, как священное знамя, как драгоценное бремя.

– Так зачем ты вырвал меня из города? Куда мы едем? – Поликсена бросила вопрос Илье, вплетая в слова едва заметную нить раздражения. В глубине души она по-прежнему не видела в них пары, несмотря на почти год их странного, зыбкого общения.

Поликсена, тридцати одного года от роду, сотканная из противоречивых нитей, была ускользающей тенью в их призрачном дуэте с Ильёй, эфемерной, как пепел, рассыпающийся в руках, стоило лишь попытаться заключить её в тесные рамки обыденного слова «пара».

Её красота, словно драгоценность в строгой оправе, притягивала взгляд. Каштановые волны волос мягко струились по плечам, а в глубине изумрудных глаз искрился озорной огонёк. Неизменная улыбка играла на губах, подчёркивая очаровательные ямочки на щеках. Аккуратный носик гармонично завершал облик прекрасной славянской девушки. Да, она улыбалась миру, но в речах её звучала колкость, прямо-

та, выдававшая за улыбочивой маской то ли защитную броню, то ли бездонную печаль. Стройная, предпочитающая брюки и уютные худи вычурным платьям, она ценила дорогую простоту, осязаемую роскошь качественных тканей и безупречной кожи обуви. Бледная кожа, словно холст для яркого мазка алой помады, завершала образ. Её руки, изящные и выразительные, жили своей жизнью, в каждом жесте сквозила грация и лёгкость. Она любила скорость, ощущаемую кожей, подчинённую воле руля, но сегодня довольствовалась ролью пассажира во внедорожнике Ильи, её друга, человека, к которому она отчаянно пыталась подобрать ласковое прозвище. Не богатырь Муромец, нет. Кто же тогда? Борода ему шла, а взгляд лучился теплом и добротой. Славянская внешность, тёмно-русые волосы, крепкое телосложение выдавали в нём силу, усмирённую годами, когда кулак его был стальным аргументом в спорах. Любительский бокс стал способом сублимации, дорогой к контролю над бушующей внутри энергией. Слишком опасна грань между защитой и нанесением непоправимого вреда, между молодостью и зрелостью, осознающей ответственность за каждый свой поступок. Как-то раз он обмолвился: «Знаешь, Поликсена, за мной девушки толпами бегают...» На что она, невозмутимо глядя ему в глаза, ответила: «На короткие дистанции или на длинные? Увы, бег – это не моё».

Он был добр и чуток к ней, его душа нараспашку. Илье

тоже хотелось найти для неё то самое, единственное, ласковое имя, но каждый раз он колебался: Поля? Полюшка? Или строгое, аристократичное Ксения? Что за имя такое – Поликсена? Зная её своенравный характер, непростые отношения, сотканные из близости и отчуждения, он предпочитал не рисковать. Да, между ними чувствовалось притяжение, искра, но незримая стена, воздвигнутая ею, оставалась непреодолимой. Как мужчина и женщина они были близки, им было хорошо вместе, но дистанция сохранялась, словно тонкая, но прочная нить, не дающая им окончательно сблизиться.

– Сейчас увидишь, – Илья загадочно улыбнулся, не сводя глаз с дороги. Машина плавно покачивалась на ухабах, словно уговаривая забыть о городской суете и погрузиться в неторопливый ритм сельской жизни. Он чувствовал её раздражение, смешанное с любопытством, и надеялся, что это место растопит лёд в её душе и хоть немного сблизит их. Илья знал, что Поликсена ценит сюрпризы, но не любит, когда её вырывают из зоны комфорта без объяснений. Поэтому он и решил сохранить интригу до последнего момента.

Когда машина остановилась у старенького, но крепкого дома с резными наличниками, Поликсена молча вышла и огляделась. Вокруг простирались поля, усеянные первыми весенними цветами, а вдали лентой серебрилась река под лу-

чами солнца. Дом, несмотря на свой почтенный возраст, дышал уютом и приветливостью, словно ждал именно их.

– Что это? – спросила Поликсена, нарушая тишину. – Чей это дом? – она взглянула Илье прямо в глаза, словно пытаясь разгадать его замысел.

– Сейчас узнаешь.

Навстречу ему, с залиvistым лаем восторга, вырвался пёс. Благородный дворняга, дитя мимолётной страсти хаски-горожанина и сельской собачки породы двортерьер, нёс в себе печать обеих кровей. Два разноцветных глаза, словно примиряющие враждующие стороны, беспристрастно делили наследство: один – ледяная синь породистого отца, другой – тёплая карость материнской земли. Теперь ни одному родственнику не дано было спорить, чьих он будет, – всё поровну, по справедливости, в зеркале его чудной души.

– Жук, дружище, – позвал Илье, доставая из кармана бомбера пакет с угощением. Пёс вилял хвостом, искренне рад гостям. Но как истинный джентльмен, хоть и четвероногий, он не мог не оценить красоту этой девушки, судя по всему, с непростым характером, прибывшей к ним с его обожаемым Ильёй.

Поликсена присела на корточки, выказывая уважение. Собак она не боялась.

– Илья, подай угощение.

Мужчина протянул ей корм.

– Здравствуй, Жук. Меня зовут Поликсена, это тебе за наше знакомство. Если бы знала, прихватила бы что-нибудь повкуснее.

Жук, конечно, был впечатлён. Он слопал угощение одним махом, хотя в его собачьей душе, наверняка, промелькнула мысль: «Не плохо бы было и повкуснее... и ты красивая, Крошка». Имя какое редкое – Поликсена.

Она обняла его, и пёс, совсем не возражая, перевернулся на спину – жест полного доверия.

– С твоего позволения, почешу тебе живот. А ты совсем молодой, смотрю, зубы только новые появились, юнец Жук.

Он поднялся, лохматый и счастливый, а она продолжала чесать его за ушами и по голове.

– Меня ты, родная, никогда так не ласкаешь, а зря. Я та-

кой же, как и он, обделён лаской, – с укором сказал Илья.

Поликсена встала, взглянула на него, но ничего не ответила. Прошла вперёд и, обернувшись, бросила:

– Всему своё время и час.

Как же ему в этот момент хотелось заключить её в объятия, но он сдержался.

– Пошли, покажу, где вымыть руки. Я тебя сейчас познакомлю с такими людьми, – сказал Илья.

Во дворе стол, кран. Она вымыла руки. Какие же красивые у неё были руки! Как же Илья любил их, но, увы, пока не познал их ласку до конца. Он коснулся её руки. Поликсена улыбнулась.

– Ну, води же, знакомь.

– А мы без гостинцев? – спросила она.

– Всё есть, родная, не переживай. Пакеты в багажнике. Ну же, проходи в дом.

Войдя в дом, Поликсена ощутила, как тепло, словно пу-

ховый платок, окутывает её плечи. Запах свежее испечённого хлеба, мёда и душистых трав сплетался в уютный аромат, мгновенно стирая с души городскую суету. У большого деревянного стола, накрытого вышитой скатертью, восседали статные старик со старушкой. Мужчина был крепок и величав, словно изваяние, хранящее отблески былой красоты на челе. Высокий лоб, обрамлённый серебряной парчой густых волос, говорил о неустанном полёте мысли, а глубокий, пронизательный взгляд серых глаз – о мудрости, отточенной временем и закалённой испытаниями. Благородная седая борода завершала его образ, придавая ему вид мудреца, познавшего тайны мироздания. Ему бы колдовской посох да длинную рубаху, расшитую оберегами, и сошёл бы за деревенского знахаря или волхва.

Женщина, напротив, была невелика ростом, полна и округла, с добрым лицом, испещрённым морщинками, словно карта долгих лет. Тёплый взгляд голубых глаз изливал такую любовь и заботу, что Поликсена сразу почувствовала к ней сердечную симпатию.

– Мир дому вашему, позвольте войти? – учтиво промолвил Илья, едва задев притолоку плечом. – Здравствуй, дед, – он подошёл к пожилому мужчине, пожал ему руку и крепко обнял.

– Дай на тебя погляжу, – пробасил старик, изучая внука взглядом.

В это время к ним подошла пожилая женщина, вытирая руки о цветастый передник.

– Ну же, окаянный, дай ребёнка обниму! – эта маленькая женщина, ростом едва ли метр пятьдесят, уютная и круглая, заставила Илью, хоть и возвышавшегося над ней, казаться великаном.

– Привет, бабуль, – проговорил он, нежно обнимая и целуя её в щёку. – Ба, а ты у меня совсем не меняешься! Всё такая же красавица!

– Кто она, красавица? Красавцем был я, им и остаюсь! Да за мной такие девки вились! – добродушно прогудел дед, потряхнув седой головой.

Поликсена молча наблюдала за этой картиной семейной идиллии. «Где-то я это уже слышала... Вот в кого Илья такой», – с улыбкой подумала она.

– А выбрал-то в итоге меня! – с притворным возмущением воскликнула бабушка, хотя вид её говорил об обратном.

– Ба, дед, как же я вас рад видеть! – И словно опомнившись, наконец повернулся лицом к своей избраннице. Хотя она его пока уж точно не выбрала.

– Вот, познакомьтесь, – представил Илья. – Это мои любимые, дед Тихон Миронович и бабушка Антонина Валентиновна. А это Поликсена.

Тихон Миронович шагнул к Поликсене:

– Здравствуй, деванька. Имя-то у тебя какое красивое, да и сама краше солнца.

– Добрый день, Тихон Миронович. Очень приятно познакомиться, – ответила Поликсена.

– Зови меня дед Тихон, – сказал мужчина и как-то странно взглянул на неё. Взгляд этот был непрост: не смотрел, а словно оценивал, проникал... казалось, в самую душу. – Хороша! – изрёк он, посмотрев на Илью.

– Пусти, – заторопилась бабушка, – дай я поздороваюсь.

Антонина Валентиновна обняла девушку и поцеловала в щёку, приговаривая:

– Здравствуй, девонька... прости, имени не расслышала.

– Здравствуйте, Антонина Валентиновна. Поликсеной меня отец с матерью называли. Поликсена Даниловна, – уверенно произнесла молодая женщина. – Очень приятно познакомиться.

– Какая красавица! Проходи, внучка, проходи к столу. – И, вдруг с укоризной обратилась к внуку: – Илья, негодник, и не предупредил! Я бы хоть что-нибудь приготовила!

И в это мгновение бабушка Тоня разразилась таким шквалом эпитетов, таким пулемётным огнём возмущения и вопросов, что казалось, она одновременно и обличает, и допрашивает, и сама же себе отвечает.

«Права она, – подумала Поликсена, утопая в многословии бабушкиного поучения. Вдруг её словно молнией пронзило: бабушка до странности напоминала Илью. Он ведь тоже, случалось, разверзал словесные хляби, особенно после близости. Как одержимый, нёс околесицу, захлёбываясь в потоке слов... то ли ликовал, то ли что-то иное клокотало в нём. Раньше это удивляло Поликсену, а теперь словно пелена спала с глаз: вот, оказывается, в кого он такой неутомонный».

– Бабуль, ничего не нужно! Я вон там четыре пакета при-

вёз вам с дедом гостинцев, – ответил Илья.

– Ну зачем же так много? У нас всё есть.

Если честно, эта суэта немного утомила Поликсену. Дед Тихон продолжал хранить молчание, внимательно поглядывая на гостью. И в этот момент вмешалась Поликсена:

– Илья, неси уже наконец свои пакеты. С удовольствием выпью с вами чаю, бабушка Тоня.

Тихону Мироновичу пришлась по душе эта конкретика.

Поликсена села за стол, чувствуя себя на удивление спокойно и уверенно. Бабушка Тоня поставила перед ней чашку душистого чая и тарелку с пышными пирожками.

– Ешь, дочка, не стесняйся, – радушно предложила она. – С дороги проголодалась небось.

– Благодарствую, – ответила Поликсена.

Чай оказался колдовским: крепкий настой, дышащий ароматом луговых трав, собранных, казалось, в краях невиданных. Пирожки с капустой, румяные и пышные, околдовали Поликсену, и она, не удержавшись, съела сразу два, словно

это были не пирожки, а послания судьбы. Дед Тихон, всё так же молчаливый, буравил её долгим взглядом, отчего у девушки по спине пробежали мурашки. Наконец, она не выдержала и встретила его взгляд. В уголках его губ промелькнула едва заметная улыбка, и Поликсене показалось, что между ними рухнула невиданная ледяная стена.

Илья выложил на стол гостинцы: колбасу, сыр, конфеты, спелые фрукты, наполнив избу ароматом города. Бабушка Тоня ахала и охала, причитая, что столько добра им не нужно, но глаза её лучились радостью. Дед Тихон лишь молча кивнул, одобряя щедрость внука. За столом между бабушкой и внуком заструилась живая беседа, словно весенний ручей, пробивающий себе дорогу сквозь молчаливое царство деда Тихона и Поликсении.

Поблагодарив за вкусное угощение, Поликсена уверенно спросила: «Можно ли полюбопытствовать?»

«Спрашивай, раз пришло на ум,» – ответил дед Тихон, испытующе глядя на гостью.

Девушка поднялась, словно ведомая незримой силой, пошла к окну. За ним раскинулся сад, утопающий в белоснежном мареве цветения, и она прошептала, скорее самой себе, чем кому-либо: «Отчего же вся улица – словно невеста, облачённая в подвенечный наряд? Белая сирень, бульденеж,

черёмуха... Неужели есть предание, какая-то древняя сказка, объясняющая, почему перед каждым домом в палисаднике красуются растения лишь белого цвета? Да и чай у вас, дед Тихон Миронович, особенный, с травами, что не сыскать в окрестных лесополосах, да и в аптеке таких не встретишь. И ещё вопрос... Вы ведь что-то поняли про меня, я не ошибаюсь?» Она обернулась, словно выходя из транса, и, чуть приблизившись к старику, вопросительно взглянула на него.

«О чём ты, родная?» – Илья подошёл к ней и обнял за плечи, словно ненароком, представляя её перед глазами деда и бабушки – тихой, покорной невестой. Поликсена, на удивление, не отстранилась. Он – мужчина, и она с ним вроде как... да и стариков расстраивать не стоило.

Дед Тихон, услышав её слова, тихонько приблизился. Его морщинистое лицо, словно пергамент древней книги, хранило тайны, выгравированные временем и опытом многих поколений. «Ах, деванька, есть такая сказка, и корни её уходят в такую глубь столетий, что и не сыскать той поры. Говорят, давным-давно, на этой самой улице обитал молодой колдун. Красота его затмевала полуденное солнце, а глаза были бездонными, как горные озёра в лунном свете. Все девицы улицы были безумно влюблены в него, томились и грезили о его благосклонности. Он обладал даром очаровывать сердца одним лишь взглядом, но его собственное сердце оставалось

неприступным, как отвесная скала, о которую разбиваются волны.

Каждая девушка мечтала о его внимании, каждая грезилась о том, чтобы стать его избранницей, единственной и неповторимой. И чтобы хоть как-то привлечь его взгляд, чтобы хоть на мгновение задержать его у своего порога, они стали высаживать в своих палисадниках лишь белые цветы. Белый цвет, символ чистоты и невинности, должен был повесть колдуну об искренности их чувств, о бездонной глубине их любви, готовой расцвести в его саду.

Они верили, что если их сады затмят красотой все остальные, подобно райским кушам возвращенным в землях Ирия, он непременно заметит их. Днями и ночами они ухаживали за своими растениями, поливали их слёзами надежды, словно росой, и удобряли мечтами о взаимности, той тайной надеждой, что живёт в каждом любящем сердце. Белые розы, словно застывшие капли лунного света, лилии, источающие нежный аромат, жасмин, опьяняющий своей сладостью, и сирень, словно облака невесомых ангельских перьев... Всё шептало о любви, о том, что застилает разум и толкает на безумства, но сердце колдуна оставалось холодным, словно зимний лёд, не тронутое теплом девичьих грёз.

Прошли годы, превратив девушек в старух, а их надежды

в увядшие бутоны. Колдун так и не выбрал никого. Поговаривали, что его сердце было отдано некой загадочной сущности, неземной деве, духу белых цветов, той самой эфемерной красоте, что живёт в каждом лепестке. Женщины ушли в мир иной, состарившись и устав от ожидания, но традиция осталась. Из поколения в поколение передавалась легенда о прекрасном колдуне и о садах, полных надежды, словно маяки в ночи. И до сих пор, каждый год, когда расцветают белые цветы, дух любви и нежности витает над нашей улицей, словно призрак прекрасной, но несбыточной мечты.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.